

Алёна Сереброва

Дело о стаях

Алёна Сереброва

Дело о стаях

«Автор»

2026

Алёна Сереброва

Дело о стаях / Алёна Сереброва — «Автор», 2026

Для большинства людей оборотней не существует, но только не для Славы и не для тех кто убил его лучшую подругу и остался безнаказанным. Работая в особом отделе полиции он пытается найти виновных, но находит лишь похожие дела, что так же не были раскрыты. Благодаря чужой ошибке в руки Славы попадает список имен, но есть ли среди них причастные к убийствам или же это просто пустышка? Слава хватается за ниточку не желая упускать даже такой призрачный шанс.

© Алёна Сереброва, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	9
Глава 2.	14
Глава 3.	20
Глава 4.	25
Глава 5.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алёна Сереброва

Дело о стаях

Пролог.

Конференц-зал полицейского участка жужжит, как растревоженный улей. С фотографий на большом экране на них смотрят жертвы. Мужчина и подросток уже мертвы, их тела нашли в мусоровозе по частям, третья...

Слава облизывает сухие губы и прячет руки в карманы чёрных джинсов. Внутри неприятно щекочет, требуя действовать или хотя бы двигаться, но он себя сдерживает.

Третья может быть жива. Она и её ещё нерождённый ребёнок.

По полученным данным похищенная была на девятом месяце беременности.

Слава смотрит в светло-карие глаза незнакомой женщины и обещает себе найти её. Хотя бы её.

– Эй, – окликает его кто-то совсем рядом, и Слава отводит взгляд от фотографии. – Ты новенький? Я тебя раньше у нас не видела.

Слава прикидывает, как выглядит со стороны: светло-серая рубашка, чёрные джинсы, такие же кроссовки. Молодой, наивный и готовый внимать словам старших стажёр. Славе двадцать четыре, но наивным он себя не считает.

– В какой-то степени, – увиливает он от ответа, когда молчание затягивается, а немолодая, темноволосая женщина в форме не отступает.

– Тяжело, наверное, смотреть вот на это всё... не стоило им тебя сюда звать.

Слава снова смотрит на экран. Тот сейчас поделён на две части, на одной всё так же изображены лица жертв, на второй же – фотографии с места преступления. То, во что превратились тела отца и сына.

– Всё в порядке. Я сам пришёл.

Он не врёт, ни о том, что его можно считать новеньким здесь, ни о том, что пришёл сюда сам. В этом отделении Слава всего несколько часов и явился сюда именно за этим. За тем, кто виноват в появлении фотографий на экране.

Серия убийств, о которой никто бы так и не узнал, не сунь Слава нос в одно из дел, а потом ещё в одно, и ещё. Не ищи он похожие случаи.

Разные города, разные люди, разное время. Объединяет их лишь жестокий способ убийства и кровное родство. В каждом городе это близкие родственники, живущие вместе, чаще семья.

– Итак, – заявляет главный: грузный с проседью мужчина. Имя вертится на языке, но Слава не может его вспомнить, да и не старается. Само придёт в нужный момент. – У нас есть адрес. Выдвигаемся.

– Я с вами, – заявляет Слава, как только главный оказывается в непосредственной близости от него.

– Конечно-конечно, – ядовито усмехается тот, показывая зубы в хищном оскале. Только на Славу это не производит никакого впечатления, до хищника майор не дотягивает.

– Шица едет с нами! – объявляет он на весь конференц-зал, и Слава морщится.

Их отдел считают сборищем самоуверенных говнюков с привилегиями и, как правило, не любят. Впрочем, не любят всех, кто приезжает из столицы и лезет в чужие, как им кажется, дела.

– Не боитесь запачкаться? – мелочно уточняет кто-то.

– А вы? – вопросом на вопрос отвечает Слава, прежде чем, подобно камню из рогатки, вылететь из дверей конференц-зала.

У них есть адрес.

Слава впервые так близко.

* * *

Захватив из служебной машины бронежилет и пистолет, Слава в последний момент успевает заскочить в полицейский фургон. Цыкает, когда тот срывается с места, едва не впечатывая его в закрытую дверцу.

Улёгшийся у ног кинолога пёс провожает Славу задумчивым взглядом, но даже не делает попытки подняться.

«Бессмысленно» – констатирует он, мельком глянув на собаку в ответ и заняв свободное место.

Машину мотает на каждом повороте, так что бронежилет одевается с трудом, а ругань так и вертится на языке. С которого едва не срывается, когда майор заявляет:

– Внутрь вы с ними не идёте.

Не с «нами», отмечает Слава, а с «ними». Майор двигаться со своего места, похоже, не собирается.

– Ошибаетесь, – Слава показательно перезаряжает пистолет. – Я должен быть там.

Он кивает в сторону окошка, за которым медленно проплывает улица. Похоже, водитель сбросил скорость.

– Послушайте. Я за вас отвечаю, поэтому вы сидите здесь тихо и не высовываетесь. Ребята знают, что делать.

– А теперь послушайте меня. Вы даже не представляете, что можете там найти. Поэтому. Я. Иду. Туда.

Слава выделяет каждое слово, давая понять, что не намерен отступать. Он идёт и точка.

– Я с вами или без вас.

– Шиза! – как плевок летит в спину, когда Слава первым шагает на нагретый солнцем асфальт, стоит только фургону остановиться.

Впереди старый, требующий сноса, некогда жёлтый двухэтажный дом, укрытый с нескольких сторон одетыми в зелень деревьями и разросшимися кустами. Длинная трещина уродует осыпающийся краской фасад, двери подъездов гостеприимно открыты, но выглядят, как голодные пасти.

Слава замирает, чувствуя, как сердце в груди разгоняется, отдавая грохотом в ушах. Сколько бы он ни бравировал, сколько бы ни давил, но это всё равно будет третий его выезд. В два первых раза с ним был кто-то из команды, сейчас же...

Он оборачивается, чтобы успеть заметить кивок майора и быстро двинувшегося к ближайшему подъезду кинолога с собакой. Они, видимо, о чём-то договорились внутри фургона, потому что сейчас не звучит ни слова. Ровно до тех пор, пока пёс не доходит до дверного проёма.

Слава щурится, наблюдая за тем, как собака напряжённо замирает на границе света и тьмы, как инстинктивно поджимает хвост и начинает поскуливать.

До боли знакомая и красноречивая реакция. Они пришли по адресу. И самое главное – жертва ещё жива.

Майор ругается сквозь зубы, кинолог отступает, уводя с каждым шагом всё больше успокаивающегося пса, Слава снимает пистолет с предохранителя.

Он ещё какое-то время мнётся, чувствуя, как потеют ладони, и, дождавшись решения майора, следует за командой. Вверх ему не надо, никто не будет держать жертву в старой, насквозь прогнившей квартире с окнами и отвратительной звукоизоляцией.

«Вниз» – решает он, замерев перед разъявленной пастью подвала, к которой, словно каменный язык, ведут несколько ступенек.

Слава включает фонарик, прежде чем окунуться в темноту. И, судя по тому, что рядом тьму разрезает ещё один луч, не все из группы пошли вверх.

* * *

Происходящее Славе нравится всё меньше и меньше. Слишком уж... просто.

Они без проблем спускаются по короткому узкому коридору, довольно быстро находят выключатель. Висящие на скрученных проводах голые лампочки, мигнув пару раз, тускло освещают старые, кое-где покосившиеся двери, идущие по потолку проржавевшие трубы и обветшавшие кабели.

«Слишком просто» – соглашается Слава, облекая в мысли неприятное, царапающее ощущение внутри.

Из всего ряда дверей выделяется лишь одна, почти посередине подвала: даже на вид крепкая и совсем новая.

Поймав взгляд полицейского, Слава кивает в её сторону. Он ждёт, что тот воспользуется рацией и вызовет подкрепление. Слава точно знает, что лезть вдвоём опасно. Однако ни его самого, ни его мнение воспринимать всерьёз, похоже, не собираются. Полицейский даже не тянется к рации, но к цели всё-таки приближается и знакомым жестом указывает пистолетом на дверь.

«Раз, два, – отсчитывает про себя Слава, сжимая пальцы на простой ручке. О том, что дверь может быть заперта, он даже не думает. – Три».

Слава рывком тянет дверь на себя и та распаивается, будто их там ждали.

Хриплый рык вызывает внутри дрожь и щепоть страха. Инстинкты предупреждают об опасности. Слава видит, как мешкает офицер. Всего секунда, но она оказываются решающей.

Выстрел неслышно, но офицера ведёт в сторону. Спасает лишь бронежилет. Два ответных выстрела звучат куда как громче, а следом всё мешается в кучу. Оживает рация, хлопает дверь где-то сверху, рык превращается в скулёрж.

К новым выстрелам присоединяется уже и Слава. Только противника укладывает офицер. Именно после его выстрела раздаётся вскрик и мат.

Все звуки превращаются в фоновый шум, стоит только Славе, вслед за офицером, перешагнуть порог.словно в стоп-кадре взгляд выхватывает вбитый в дальнюю стену крюк, тянущуюся от него к тонким запястьям цепь, хрупкую женскую фигуру в местах порванном, ничуть не скрывающем большой живот, некогда светлом сарафане.

Убедившись, что противник обезврежен, Слава делает шаг к женщине и та, сверкнув глазами, рычит.

– Я не причиню тебе вреда, – обещает Слава, поднимая раскрытую ладонь.

Он прячет пистолет за пояс джинсов, прежде чем сделать ещё шаг.

Цепь звякает, натягиваясь, и Слава понимает, ноги они ей тоже связали. Так чтобы ни шага, ни единой возможности побороться за свою жизнь.

– Ты знаешь, что я не вру, – продолжает он, спокойно встречаясь с женщиной взглядом. Некогда светло-карие радужки сейчас словно полыхают рыжим огнём.

– Что это за хрень?..

Вопрос вынуждает Славу обернуться. Офицер. Застыл соляным столбом, опустив пистолет.

– Делайте свою работу и не мешайте мне делать свою. И найдите чёртовы ключи!

Слава сейчас и сам готов рычать. Всё не на его стороне, абсолютно...

Он замирает, чувствуя, как сердце пропускает удар. Иссиня-чёрная паутина разбегаётся по коже, выбирается из-под ткани сарафана на груди, наливается силой. Смерть подбирается всё ближе и ближе.

Слава, не церемонясь, оттягивает ткань на груди, убеждаясь, что там лишь паутинка и нет ни намёка на рану.

– Где? – выдыхает он, снова заглядывая в глаза. На этот раз радужка светло-каряя, вполне человеческая, и нет ни намёка на яркий рыжий всполох. – Куда?..

Рану он находит сам, не дожидаясь ответа: длинная полоса на боку покрытая коркой запёкшейся крови.

Сзади слышатся голоса, похоже, кто-то из группы пришёл. Слава даже не оборачивается. Получив ключ, он полностью сосредотачивается на жертве.

– Всё будет хорошо, – врёт Слава, принимаясь избавлять её от цепей. – Обязательно будет.

– Врёте, – хрипит та и Слава на мгновение прикрывает глаза.

Врёт, и они оба это знают. Хорошо уже ничего не будет. Не для неё.

– Защити мою девочку, – просит она, цепляясь за его плечи, когда теряет опору.

– Скорая приехала, – сообщает тот самый офицер. – Помощь нужна?

– Сам справлюсь.

Слава морщится, понимая, что скорая тут не поможет, ничто не поможет сейчас обротно выжить, слишком далеко всё зашло, слишком...

Он подхватывает её на руки, прикидывая, как будет подниматься по узкому коридорчику, но понимая, что обязан справиться.

– Защити мою девочку, – словно в лихорадке повторяет она. – Пожалуйста...

Глава 1.

5 лет спустя.

– Ну вот, ты опять это делаешь! – с недовольным вздохом замечает Рита.

– Что?

Слава непонимающе хмурится, отвлекаясь от экрана монитора и поднимая взгляд. Отчёт о Лауне, который на самом деле оказался крупной бродячей псиной, никак не хочет писаться. Даже стены родного кабинета не помогают.

– Вот это!

Рита обличительно тыкает пальцем в сторону его стола. Понятней Славе не становится, поэтому он продолжает непонимающе смотреть на сидящую напротив напарницу.

– Последние минут пятнадцать ты дёргаешь ногой, а это жутко отвлекает, – ворчит Рита, поправляя забранные на затылке «крабом» тёмно-русые волосы. – У меня тут и так очередная женщина, возомнившая себя то ли Джинни Уизли, то ли Уиллоу.

– И что?

– Ногой дёргать прекрати!

– Это я понял, с ведьмой что?

– Пытаюсь понять, действительно ли в этой дуре есть сила или во всём виноваты купленные в интернете порошки. Меня к ней не пускают. Улики железные, парня отравила она, а я не адвокат.

– Чего вы тут?

Вася просачивается в кабинет подобно воде. Они даже не слышали, чтобы дверь открывалась. Просто вот он стоит на пороге, смотрит с весёлым любопытством и кутается в свой безразмерный карамельный кардиган, хотя в небольшом кабинете с единственным окном не холодно.

– Ведьмы, Василий, ведьмы, – ворчит Рита, мазнув взглядом по белым, коротким и как всегда торчащим в беспорядке волосам. – Почему меня поставили на эти дела?..

Все они прекрасно знают, что это не вопрос, но Вася всё равно отвечает, как и каждый раз, когда поднимается эта тема:

– Потому что ты девушка, а все женщины немного ведьмы? У тебя ещё и имя подходящее, Маргарита!

– Да ну тебя!

В Васю летит ластик, но он, легко увернувшись от снаряда, возвращается за свой стол у окна.

– Если так подумать, то он бы и то лучше подошёл. По поверьям ведьмы рыжие.

– А ещё зеленоглазые, – привычно напоминает Слава, возвращаясь к отчёту. – А у меня глаза карие.

Подобные разговоры у них уже традиция и происходят каждый раз, когда работа достаёт Риту до печёнок. Сейчас она выговорится и успокоится.

Слава уже заканчивает отчёт, когда внутренняя, ведущая в кабинет непосредственного начальника дверь открывается.

– Владислав, зайди.

Переглянувшись с вопросительно вскинувшей брови Ритой, Слава пожимает плечами. На ум не приходит ничего, за что его могли бы вызвать на ковёр.

– Закрой дверь.

– Вы что-то хотели, Фёдор Игнатьевич?

– Садись.

Слава некоторое время смотрит на подтянутого, крепкого мужчину с тронутыми сединой чёрными волосами, прежде чем занять стул для посетителей.

– Посмотри, – он двигает в сторону Славы тонкую картонную папку. – Думаю, тебя заинтересует.

В папке оказывается всего несколько листов с прикрепленными к ним скрепками фотографиями. На каждом из них, почему-то написанное от руки, досье: имя, возраст, род деятельности, несколько строчек характеристики.

– Кто-то из них может быть связан с твоим делом. Тем самым, – уточняет Фёдор Игнатьевич, когда Слава поднимает на него хмурый взгляд.

– Откуда это у вас?

– Я знаю, где искать.

– Среди охотников?

Вопрос, который задашь не всем, как минимум потому, что не все его и поймут правильно. Фёдор Игнатьевич понимает.

– Среди людей, – поправляет он. – Одного из них повязали во время пьяного дебоша. Были пострадавшие, так что сесть грозило надолго. Но ему предложили варианты.

– Сдал своих? – сомневается Слава. Если бы всё было так просто, то не было бы этих чудовищных убийств из года в год.

– Узнал одного на тех фотографиях. Помнишь? Когда подстрелили охотника, но до больницы не довезли.

Слава вспоминает кровь, застывшие мёртвые взгляды, чёрные с фиолетовым отливом пятна на коже, иступлённый шепот и болезненные стоны. Фотографии и реальность...

Прикрыв глаза, Слава медленно кивает.

– Впрочем, он оказался не особо полезен, так что всё равно сядет, – заканчивает Фёдор Игнатьевич спокойно.

– Вы хотите что-то предложить?

Захлопнув папку, Слава наконец-то снова смотрит на Фёдора Игнатьевича. Просто так тот бы его не позвал. Папку можно было отдать в любой момент.

– Возьми отпуск за свой счёт и сдай табельное. Папку можешь оставить себе, это копия.

Возмущение разворачивается горячей волной в груди, но так и не срывается с губ словами. Всего один вопрос и шестерёнки в голове начинают крутиться.

– У тебя ведь есть личное оружие?

Слава медленно кивает, начиная понимать, что собирается предложить Фёдор Игнатьевич. Внедрение. Без поддержки, потому что их отдел не воспринимают. Шизы творящие глупости, но почему-то ещё не прикрытые. Их спонсируют, прикрывают по мелочи, но не больше. Сверхъестественного не существует в глазах большинства. Слава, если подумать, этому даже рад. Без новой инквизиции он как-нибудь обойдётся.

– Ты ведь понимаешь, что если что-то случится...

– Могу рассчитывать только на себя? – усмехается Слава, поглаживая пальцами острый корешок папки.

– Дурак ты, Владислав Аринович. Я хотел сказать, что можешь рассчитывать на нас. Ребят я потом сам в курс дела введу.

Слава кивает, предполагая, что разговор закончен, но встать не успевает. Его догоняет тихое, но твёрдое и немного злое:

– Слав, над ними кто-то стоит. Найди мне его.

В этот раз Слава поднимается без проблем. Он найдёт, за этим он и собирается влезть в это болото.

– Позвольте идти?

– Иди. Только дров не наломай, чтобы мне за тебя стыдно потом не было.

Слава кивает на вполне себе доброе подтрунивание и, свернув папку в трубочку, выходит за дверь.

* * *

– Новое дело? – как бы между прочим, уточняет Рита, стоит только Славе сесть в своё кресло и пробудить компьютер.

– Не официальное.

Слава, не отвлекаясь, печатает заявление на внеочередной отпуск и лишь в последний момент успевает сориентироваться, прихлопнув любопытную руку и не дав утащить папку со стола.

– Вась, не надо использовать на нас свои эльфийские штучки, хорошо? Папку всё равно не дам.

– Как ты понял, что это я? – замечает Вася, когда Слава, убрав папку под клавиатуру, продолжает печатать.

– Рита цокает каблуками, когда идёт, и у неё ногти крашеные, – подняв взгляд, Слава ехидно припечатывает: – Прости уж, но на девушку ты не тянешь. Даже в темноте.

– Придурок, – ворчит Вася совсем не обиженно, прежде чем отступить. Правда недалеко, всего лишь к столу напротив и теперь Славу буравит одновременно две пары любопытных глаз.

– Фёдор Игнатьевич сам введёт вас в курс дела. Я могу сказать только, что это мой профиль и... я иду во внеочередной отпуск, – отчитывается он, когда принтер начинает печатать заявление. – Снова зарплата будет кот наплакал, а мне ещё за квартиру платить.

Слава посмеивается, пряча за напускным ворчанием напряжение. Только вот выражение всё ещё направленных на него двух пар глаз говорит о том, что их не обманешь.

– Ты сдашь табельное, – констатирует Вася, пряча руки в карманы кардигана.

– И пойдёшь, куда бы то ни было, один, без поддержки, – продолжает вслед за ним Рита, отклонившись на спинку кресла и сложив руки на груди.

– Вы моя поддержка, – снова улыбается Слава. – Мой тыл.

Он прячет папку в рюкзак и надевает кобуру с табельным. Только и осталось подписать разрешение на отпуск и сдать всё это внизу.

– Мы можем не успеть.

Кто это сказал?

Слава поднимает взгляд на друзей, но те продолжают молча буравить его обеспокоенными взглядами.

– Не переживайте. Я справлюсь.

– А Аня? – будто бы только вспомнив, тихо интересуется Рита, когда он поднимается из-за стола. – Если хочешь, я бы могла...

– Она с крёстным, не переживай, – с благодарностью отзывается Слава, проходя мимо.

Он больше не смотрит на них. Снова заглядывает в кабинет после короткого стука, чтобы спросить:

– Фёдор Игнатьевич, подпишете?

* * *

Сдав табельное, Слава бесцельно бродит по улицам и домой возвращается лишь после заката. Маленькая однокомнатная квартирка на втором этаже встречает тишиной и пустотой.

Одна пара обуви на полу, одна куртка на крючке...

Непривычно.

Включенный свет открывает взгляду минимум мебели: диван, кресло, стол, отделяющий детский уголок шкафа.

Пусто. Как и на экране телефона.

Ни новых звонков, ни смс.

Слава какое-то время буравит взглядом упавшую с дивана подушку и сбитый в ноги плед, прежде чем убраться на кухню.

Недопитая кружка с кофе так и стоит на краю стола. Он проспал и едва успел отхлебнуть бодрящего напитка, когда понял это. На дверце холодильника рисунок розовым карандашом, в тон сказочной короне-магниту, что удерживает альбомный лист.

«Защити мою девочку...» – шепчет голос из прошлого, и забравшаяся было на губы улыбка исчезает.

Работа дала Славе не только возможность защищать, но и подарила несколько лет назад дочь.

Немного бумажной волокиты, чуть-чуть превышений полномочий и крохотный, оказавшийся никому не нужным, беззащитный комочек официально стал его дочерью.

Слава какое-то время ещё смотрит на кривоватый рисунок, прежде чем набрать номер. Демид обещал позвонить, когда они с Аней доберутся до бабушки, но прошло уже достаточно времени, а звонка всё нет.

– *Абонент выключен или находится вне зоны действия сети*, – вещает из динамика, и Слава морщится, сбрасывая.

– Ладно, хорошо, – он опирается бёдрами о разделочный стол. – В дороге всё может случиться, задержались. Успокойся.

Прикусив губу, Слава набирает другой номер, но там просто не отвечают. Мать, похоже, как всегда не слышит звонка.

Зачесав пальцами рыжие пряди со лба, Слава набирает совсем другой номер и в этот раз ему отвечают.

– *Слушаю.*

– Сабина, прекрасная воительница, дочь Артемиды, – начинает Слава, однако сказать что-либо ещё не успевает. С той стороны его прерывают с усталым вздохом:

– *Что тебе надо, Слав?*

– А с чего ты решила, что мне что-то надо? Может, я просто позвонил узнать, как дела и достаточно ли ты отдыхаешь!

– *Слав, мы не в таких отношениях, и ты звонишь либо на праздник, либо по делу. Сегодня не праздник. Так что случилось?*

– Ты видишь меня насквозь, – притворно вздыхает Слава. – Мне нужна твоя помощь.

– *В чём?*

Слава представляет, как она заправляет за ухо непослушную чёрную прядь, готовая слушать и, быть может, даже согласиться помочь.

«Надеюсь» – думает Слава и, скрестив пальцы на удачу, озвучивает просьбу:

– Мне нужно, чтобы ты ввела меня в ряды охотников.

– *Тебе... чего?*

– Не кипятись. Меня там всё равно не знают.

– *О нет, рыжий, тебя знают.*

– Как кого? – спокойно уточняет Слава. – Как человека, что не поддался на сладкие песенки русалок? Или, может, сарафанное радио родило что-то, о чём я не знаю?

Сабина молчит. Слава даже проверяет, не прервался ли звонок, так тихо в динамике.

– *Зачем тебе?* – наконец уточняет она, после того, как тишина сменяется хлопком двери и тихим скрипом.

Кажется, Сабина наконец-то стала серьёзной.

– Я в отпуске, хочу побаловать себя серией.

– *Семьи*, – констатирует Сабина, сразу понимая, о чём он. – *Хорошо. Только им нужна будет причина. Ты же знаешь, со стороны без причины к нам не приходят. А ты у нас тёмная лошадка.*

– Позволь таким и остаться, – усмехается Слава в трубку. – Сам скажу, если спросят.

– *Два дня. У нас намечается охота. Там и вступишься. Я позвоню.*

– Сброшу тебе новый номер, когда куплю телефон, – обещает Слава. – Удачной охоты, дочерь Артемиды.

– *Да ну тебя, рыжий,* – смешливо фыркает Сабина по ту сторону и отключается.

Не успевает Слава отложить телефон, как тот снова оживает. Номер матери высвечивается на дисплее, и рука тянется к трубке раньше, чем он успевает об этом подумать.

– Привет, мам, как твои дела, здоровье? Аня с Демидом ещё не приехали?

– *Всё хорошо, Слав. Бумажная волокита, тетради, план занятий. От работы никуда не деться. Я думала, они приедут только завтра...*

Под рёбрами неприятно скребётся, но Слава давит в себе это чувство.

– Да-да, просто думал, вдруг уже добрались. Нет так нет. У меня тут дела намечаются, – пожевав нижнюю губу, начинает Слава. – Возможно, буду некоторое время недоступен. Но как только закончу, так обязательно позвоню тебе, а потом и приеду на пару дней, может быть.

– *Работа?*

– Внеплановое повышение квалификации, ничего особенного. Помнишь Маргариту? Я вас знакомил, когда ты приезжала.

– *Да, хорошая, приличная и милая девочка.*

Слава, представив, как эта хорошая и милая девочка откусывает протянутую к ней руку по локоть, усмехается, но не прерывает воркование матери.

– В общем, пока я буду недоступен, если что-то случится, то можешь позвонить ей. Я предупрежу Риту. Договорились?

– *Успешной учёбы, сынок.*

Слава бормочет благодарность и, попрощавшись, сбрасывает звонок.

«Успешной учёбы. Ага. Уж какая учёба будет, какая учёба...»

Стоит поднять взгляд, и он снова натывается на рисунок. Аня изобразила их поход в «Парк Сказок» на прошедшее день рождения. Принцесса, он король и крёстный рыцарь. Понять о том кто где, правда, получилось лишь после пояснения самой Ани.

Слава усмехается, вспоминая тот день, и, снова затолкав царапающее внутри чувство глубже, набирает Риту.

С ними точно всё в порядке. Просто они ещё не доехали.

Глава 2.

Осень вспомнила про свои обязанности и заплакала, разводя слякоть и заливая дороги. Дождь зарядил вечером, когда Слава, оставив очередное голосовое на автоответчике Демида, заставил себя наконец отключить телефон и выйти из дома. Преследовал его на всём пути до вокзала и встретил по прибытии в другой город. Бабье лето кончилось.

Закинув рюкзак за плечи и натянув капюшон чёрной куртки на голову, Слава спешно ныряет в здание вокзала, чтобы быстро преодолеть его насквозь.

Сабина по телефону сказала, что будет ждать во внедорожнике цвета мокрого асфальта.

Мокрого асфальта вокруг сейчас сколько угодно много, а вот внедорожник оказывается только один. Слава сразу зацепляет его взглядом, стоит только снова оказаться на улице.

В салон Слава заваливается недовольно отфыркиваясь. Особо вредный порыв ветра бросил в лицо горсть дождевых капель, пока он закидывал рюкзак на заднее сидение.

– Приветствую тебя, о дочь Артемиды.

– Слав, прекращай, сколько раз говорить, – бросив быстрый взгляд на него, вздыхает Сабина, стартуя с места.

– Всё-всё, умолкаю, – соглашается Слава, пристёгиваясь и с интересом рассматривая точёный профиль в свете пробегающих мимо фонарей. Выискивает изменения, которых, кажется, нет. Всё те же высокие скулы, миндалевидные карие глаза и спрятанный под татуировкой плюща шрам на предплечье. Сейчас на ней тонкая тёмная водолазка, но Слава знает, что у Сабины на коже. Он помнит...

... – Вы нашли волка? – уточняет он, когда Руслан убирает ключи в карман.

Кашитановые волосы, серые глаза, если не присматриваться и не скажешь, что он отец Сабины.

– Его найдут, – уверенно обещает тот спустя несколько секунд молчания. – Проходи вперёд.

Пустой длинный коридор предстаёт перед глазами, когда Слава заглядывает через плечо. Шесть дверей, по количеству квартир, и лишь около двух из них расстелены коврики.

– Дальняя дверь слева, – подсказывает Руслан. – Я не запираю.

Звукоизоляция прекрасно глушит все происходящее в квартире звуки, но стоит Славе только толкнуть дверь, как они обрушиваются, будто снежный ком.

Звонкое: «Мам не надо!» и тихий топот босых ног сбивают с толку. А стоит шагнуть через порог, инстинктивно рванув на голос, как в него влетают, лишая равновесия и выбивая из лёгких воздух.

Слава успевает перегруппироваться, прикрывая собой сжавшееся тело. Хлопок закрывшейся двери, отрезающей пути отступления и консервирующей все звуки в пределах квартиры, едва откладывается в памяти.

– Прекрати!

– Она чудовище!

Сабина вздрагивает в руках Славы.

– Как ты не понимаешь, сегодня полнолуние!

Слава поднимает взгляд, чтобы увидеть поблёскивающее в свете лампочки длинное лезвие. Рвущаяся из крепких рук женщины никак не желает опускать нож, и в глазах её плещется безумие.

– Она станет такой же, Руслан!

– Мам...

Слава лишь крепче прижимает к себе Сабину, не давая ей двинуться и не спуская взгляда с женщины.

«Матери» – поправляет себя Слава.

– Она наша дочь! Опустит нож!

Руслан встряхивает жену за плечи, что не приносит никакого результата, лишь плещется по воздуху кончик высоко собранного хвоста. Такого же чёрного, как и у Сабины.

– Это был не альфа, – пытается вразумить женщину Слава. – Не альфа укусил её.

Она его не слышит. Слава видит это по вновь обращённому в их сторону взгляду. По безумной ненависти, смешанной со страхом, сквозящим в глазах.

– Руслан, ты же понимаешь... – шепчет сухими губами та, обращая на Руслана свой взгляд. – Ты помнишь, что я поклялась уничтожить этих тварей. Они убили моего отца. Я поклялась на его могиле!

– Отдай мне нож, – холодно требует Руслан, но она лишь сильнее дёргается, снова предпринимая попытку вырваться.

– Ты меня понимаешь?! Дай мне закончить...

Слава встряхивается, отгоняя всплывшие в памяти воспоминания. Расстегнув ворот куртки и поёрзав на месте, он, наконец, не выдерживает установившейся тишины:

– Хотя нет, постой. Лучше расскажи, что там у вас за дело. Кто на этот раз и за что?

– В бардачке бумаги. Я помню, – Сабина коротко усмехается, продолжая смотреть ровно на дорогу. – Без доказательств ты не работаешь. Да и я... не люблю рубить сплеча.

Согласно кивнув, Слава лезет в бардачок, где действительно обнаруживаются свернутые в плотную трубочку бумаги.

– Таутай-лак?

Он растерянно рассматривает схематический рисунок, изображающий похожую на сатира женщину с длинным...

– Это что, язык? – удивлённо бормочет он, вглядываясь в сумерках салона в набросок.

Сабина с тихим смешком включает свет, давая возможность разглядеть всё внимательно.

Ниже наброска идёт небольшая мифологическая справка, рассказывающая об остроте её языка и любви к человеческому мясу.

– Она же не отсюда...

– Кто-то привёз с собой или она сама за кем-то пришла. Какая разница, как она здесь оказалась, – пожав плечами, Сабина сильнее сжимает руль. – Меня гораздо больше интересует, как от неё избавиться.

Слава кивает, заглядывая в остальные бумаги. Ксерокопии полицейских отчётов и фотографии: несколько пропавших без вести и обнаруженное грибником наполовину съеденное тело. Всё это, судя по датам, за последний месяц.

– Не ошиблись? Мало ли каннибалов может быть. В смысле...

Слава замолкает, вчитываясь в отчёт.

Вокруг найденного тела были обнаружены следы парнокопытных животных, мясо с костей словно срезали.

– Молчу. Твою ж...

Слава нервно растирает лицо.

– Смотрю, ты сменил стиль?

Усмехнувшись, Сабина кивает на его куртку, пока они стоят на светофоре.

– А? Нее, – взъерошив волосы, Слава немного неловко улыбается. – Позаимствовал у Демида. Ты же знаешь, с моим гардеробом на охоту не ходят.

– Так вот откуда мокрой псиной несёт, а я-то думала, показалось.

– Сабина, блин, – ворчит Слава и шумно выдыхает. – Ладно, один-один, постараюсь больше не называть тебя дочерью Артемиды.

– Умничка, – тепло отзывается Сабина, сворачивая на повороте.

– Мы куда?..

Слава только сейчас замечает, что вывески и яркие витрины магазинов пропали, а пятиэтажки сменились частным сектором.

– Не тупи, Слав, ты же видел в бумагах название города. Тут всего пара часов езды, не волнуйся.

– Да я как-то...

В желудке предательски урчит и Слава пристыженно затыкается.

– Сбоку кресла пакет посмотри. Позже поедем нормально.

– Ты богиня!

Слава довольно вздыхает, обнаружив в пакете булку и полбутылки воды. Ел он последний раз ещё дома прошлым вечером.

– Как Аня?

– Отлично. Уже понимает, когда стоит сверкать глазами, а когда нет. Спасибо Демиду.

Слава усмехается. Когда-то, подписывая документы на удочерение, он даже и не думал о том, как будет воспитывать волчонка, просто не хотел, чтобы она попала к посторонним, ничего не знающим людям.

– А ещё учится читать. Говорит, что это легче, чем уломать меня на сказку.

– Не представляю, как ты справляешься, – смеётся Сабина, включая дворники, чтобы разогнать залившую лобовое стекло воду.

– А один бы я и не справился. Мне повезло, что Демид согласился стать крёстным.

* * *

Нормально поесть – это, оказывается, купить стаканчик кофе и шаурму на заправке. Слава, впрочем, не против, как и его желудок.

Город, в который они въезжают примерно через час после этой остановки, больше похож на разросшееся село. Частный сектор сменяется то ли двух, то ли трёхэтажками. В пелене поутихшего дождя и густых сумерек разобрать не получается. Где-то впереди Слава вроде бы замечает многоэтажки, но Сабина сворачивает от призрачных силуэтов в сторону, и их, как и остальное, поглощает темнота.

Сабина притормаживает у невысокого невзрачного здания, оказавшегося на деле автомастерской. Пара тусклых лампочек подсвечивает название над входом, однако Сабина сворачивает чуть дальше, плавно заезжая в открытый гараж.

– Приехали, – рапортует она, глуша двигатель. – Рюкзак можешь оставить пока в машине. Идём, я тебя представлю.

Она выходит, ненадолго оставляя Славу одного. Ровно настолько, чтобы он успел оглядеть освещённое сейчас лишь одной лампочкой забетонированное помещение на две машины и отметить, что место рядом уже занято массивным тёмным внедорожником.

– Вылезай, – открыв дверь, торопит Сабина, и он подчиняется.

Вот только выбраться из машины спокойно не выходит. Слава попросту вываливается, сначала неожиданно запутавшись в ремне безопасности, а потом неудачно поставив ногу. Мгновение он радуется, что хотя бы не упал. Ровно до тех пор, пока не слышит сверху недовольное:

– И вот это ты привезла нам в помощь? Сабин, ты шутишь?

– Ты забыл пару букв, – ворчит Слава, выравниваясь и мгновенно находя взглядом владельца голоса. Крепкий, стриженный под машинку парень примерно на полголовы ниже него недружелюбно смотрит исподлобья. Не его клиент. – Я человек, а не вещь, так что говори нор-

мально. И то, что у меня грация картошки ещё не значит, что я бесполезен. Мы тут вроде бы не балет ставить собираемся.

Откуда-то сбоку насмешливо фыркают, и крепыш тут же оборачивается в сторону звука, строя кислую мину.

– Не балет, – соглашается высокий голос. – Проходите внутрь, все уже собрались.

За миниатюрной девчонкой в короткой юбке, тяжёлых ботинках и с заплетёнными в пару коротких толстеньких косиц тёмными волосами, светлеет дверной проём. Там, в отличие от гаража с одиноко горящей лампочкой, света гораздо больше.

– Куртку можешь повесить на входе, – советует девчонка, при близком рассмотрении оказавшаяся совсем не подростком. – Я Мария, – она по-мужски протягивает ладонь, и Слава немного растерянно пожимает пальцы. – Можно просто Маша. А ты?

– Слава. А ты дружелюбная...

– Тебя привела Сабина, – просто отзывается Маша и, прежде чем шагнуть через порог, добавляет: – Крючок справа. Потом налево.

Слава кивает и послушно выполняет обе подсказки.

* * *

Первое, что приходит Славе в голову, когда он наконец-то добирается до собравшихся охотников – здесь вполне можно жить.

В узкой, длинной, не имеющей окон комнате есть для этого почти всё необходимое: от четырёх двухуровневых металлических кроватей до кухонного уголка. Команда охотников, правда, собралась за раскладным столом в центре.

– Не стой в дверях, – недовольно бросает тот самый, первый охотник, которого встретил здесь Слава.

Он проходит мимо, словно нарочно задевая его плечом, хотя места вполне хватает, чтобы обойти.

– Садись, – требует Сабина, кивая на последний свободный пластиковый табурет. – Это Слава. Он идёт с нами.

Пластик скрипит, когда Слава садится под перекрестьем четырёх любопытных пар глаз и одной недовольной.

«Ну что ж... я тоже умею пристально смотреть».

– Сабин, представишь?

– Эдуард. Владелец этой автомастерской, радушно предложивший нам крышу над головой.

Слава кивает, разглядывая сидящего напротив Сабины, словно во главе стола, охотника. Крепкий, темноволосый, коренастый мужчина с короткой бородкой в обтягивающей мышцы тёмно-синей футболке задумчиво смотрит в ответ. От этого взгляда Славе становится не по себе, так что он спешит перевести взгляд, тем более что Сабина уже называет следующее имя.

– Леонид.

Высокий и тощий, как жердина, бритый под ноль парень в зелёной камуфляжной рубашке и очках в тонкой оправе тоже мажет по нему взглядом и тут же отворачивается, будто не нашёл ничего стоящего. Слава, впрочем, тоже не находит.

– Богдан, – называет следующее имя Сабина, кивая на парня рядом с поблёскивающим очками Леонидом.

Внутри что-то предвкушающее царапает по рёбрам. Потому что вот он. Тот самый человек с одной из фотографий.

Вьющиеся каштановые волосы, острая ухмылочка, прищуренные карие глаза. У Славы тоже иногда бывает такое выражение на лице, так что на мгновение возникает ощущение, будто парень его зеркалит.

Молодой, кажется совсем ещё мальчишка, хотя Слава уверен, в папке не было никого моложе восемнадцати.

«Ну, здравствуй, Богдан».

Тот, словно услышав, приветственно поднимает руку, отчего рукав джемпера задирается, обнажая тонкую вязь татуировки. В деле о ней ничего не говорилось. Либо не было известно, либо он наколот её совсем недавно.

– Они, – продолжает Сабина, и Слава заставляет себя оторвать взгляд от линий на чужой коже.

– В смысле? – слетает с языка прежде, чем Слава успевает его прикусить.

С соседнего стула на него хмуро смотрит тот самый парень, что их встретил.

– Почему Они?

– Он просто не любит своё имя, – вместо Они отзывается Богдан.

– А ещё считаю, что чтобы бороться с демонами, нужна поддержка других демонов.

«Как тебя с таким мировоззрением свои ещё не съели?..»

– А ещё он, видимо, любит Японию, – словно по секрету делится Богдан, за что получает затрепину от Леонида и шипит рассерженной змейкой.

– Мария, – заканчивает Сабина на девчонке рядом с собой.

– Мы уже познакомились, – тут же отзывается та. – Как я уже сказала, можно просто Маша.

– Учту, – отвечая на усмешку усмешкой, принимает Слава.

– Слушай, – снова лезет неугомонный Богдан, вынуждая Славу задуматься, а точно ли ему хотя бы восемнадцать есть? – А ты тот самый, на которого русалочки штучки не действуют? Поделись секретом, а? Хотелось бы против этих девиц козырь иметь. Или ты заговорённый?

Он даже привстаёт с места, будто в нетерпении.

– Может, я просто не люблю рыбу? – смеётся Слава отзеркаливая насмешку на чужом лице.

– Да ну тебя, – нисколько не обиженно ворчит Богдан, падая обратно на свой стул.

– Мы по делу пришли, а не паясничать, – отзывается Леонид, поправляя очки и внезапно становясь похожим на Кролика из Винни Пуха. Слава едва не фыркает, пряча усмешку в кулак и прикрываясь кашлем. Ассоциация оказывается слишком внезапной.

– Итак, все мы уже знаем, что имеем дело с Таутай-лак. Кто по какой-то причине ещё не в курсе может посмотреть, здесь всё есть.

Сабина выкладывает на середину стола ту самую папку, что Слава листал по дороге. Богдан тут же тянется, забирая её себе.

Слава отмечает, как тот морщится, заглянув внутрь, и тут же возвращает её на место. Леонид рядом реагирует на фотографии гораздо спокойней, рассматривая сначала их, а затем уже текст.

– Убивает она языком. Как и разделяет добычу.

– Похожа на сатира, только баба и без рогов. Прости, Сабин, если что, – продолжает за ней внезапно Они. – Если верить мифам, то язык не только её оружие, но ещё и уязвимое место.

«А ты подготовился, – мысленно присвистывает приятно удивлённый Слава, смотря на по-деловому собранного сейчас Они другими глазами. – Тоже в интернет заглянул?»

– А ещё, что убить её можно лишь когтями Жезтыртак. Ни у кого, случаем, не завалился хотя бы один, нет? – недовольно поджавший губы Леонид обводит взглядом охотников, словно строгий воспитатель детсадовцев. – По легендам и на оборотней нужно ходить только с серебром, но на самом деле завалить их можно и другими способами. Тут так же.

Внутри поднимается колкое недовольство, но лишь получив от Сабины шлепок по колену, Слава понимает, что сжал руки в кулаки и почти готов был подняться с места.

«Ты слишком остро реагируешь, – напоминает он себе, принудительно разжимая кулаки. – Охотник не должен так реагировать. Веди себя как они».

– Ты забываешь кое о чём, – выдохнув и заставив себя успокоиться, отмечает Слава, встречаясь с Леонидом взглядом и даже не думая отступать. – По одной версии у Жезтырнак были медные когти, по другим латунные, что в принципе без разницы и там, и там есть медь.

– Ты веришь в сказки? – не сдаётся Леонид, и Слава растягивает губы в ядовитой усмешке.

– Ты охотишься на эти, как ты сам выразился, сказки.

– Прекращайте, – требует Сабина, хлопнув ладонью по столу. – Развели детский сад. Эдуард?

– А ты ничего, – внезапно замечает Они, и в голосе его больше нет ни капли недовольства. – Умеешь мозгами пользоваться в отличие от этой палки.

Слава фыркает под шорох раскладываемой на столе карты, но ничего на это не говорит. Тем более что слово уже снова взяла Сабина.

– Тела нашли вот здесь, – она ставит несколько меток-флажков, протыкая новенькую, ещё пахнущую типографией бумагу острыми кончиками кнопок. – Насколько нам известно из полицейский сводок, пропавшие должны были находиться примерно здесь, здесь и вот где-то тут.

В дело идут флажки другого цвета, и Слава придвигается ближе к столу вместе со всеми. В конце концов, он пришёл сюда работать, а не языком трепать.

Глава 3.

– Я хозяин радушный, так что койки в вашем распоряжении. Чего пожрать тоже найду, – обещает Эдуард, когда все поднимаются. Карта так и остаётся лежать на столе и, похоже, никто даже не собирается её трогать. – Правда, это я про завтрак, а не про ужин.

– Да ты как всегда, – отмахивается Маша, принимаясь расшнуровывать ботинки рядом с Сабиной. Они о чём-то перешёптываются, однако Слава не прислушивается, оборачиваясь.

Он определённо точно хотел что-то спросить. Слава помнит, что собирался, но вот о чём...

Из головы выбивает мысли, стоит только Эдуарду выбраться из-за стола. Вернее, выехать. На инвалидном кресле.

У Славы неприятно царапает что-то под рёбрами от одного взгляда на обтянутые чёрными штанами неподвижные ноги.

– Тебе что, отдельное приглашение нужно? Выбирай койку, пока всё не заняли.

Ворчание Эдуарда возвращает в реальность: к шуршанию за спиной, тихим голосам и хмурому взгляду на ещё молодом лице. Слава на мгновение задумывается, сколько тому вообще лет? Сорок? Меньше? И тут же отмахивается сам от себя. Это не его дело.

– Подарок от гуля, – поняв направленный на него взгляд по-своему, со смешком поясняет Эдуард. – Зато живой, в отличие от некоторых.

«Только вот неизвестно, что хуже» – читается в лице Эдуарда, и Слава на мгновение почти согласен. Всего на чуть-чуть, пока не вспоминает, что ему есть к кому возвращаться.

– Падай давай. Завтра рано вставать.

Слава послушно бросает рюкзак в изголовье первой попавшейся ещё не занятой койки. Подушка тут не предусмотрена, только простенькая, тёмно-серая простыня.

«Минимализм тут явно процветает» – хмыкает Слава, скидывая ботинки и заваливаясь на койку. Глаза он закрывает, как только общий свет в комнате гаснет, оставляя себе на смену пару слабых светильников в кухонной зоне.

* * *

Едва успевший коснуться сознания сон отступает, возвращая Славу обратно в реальность. К спящим вокруг охотникам и к голосам, шепчущимся где-то в глубине комнаты.

Страхнув остатки сна, Слава напряженно вслушивается, различая сначала более громкий и возмущенный мальчишечий голос, а потом и его собеседника.

«Эдуард? – вспоминает Слава владельца голоса. – Что происходит?»

Внутренняя подозрительность поднимает голову, чтобы почти тут же отступить. Стоит только Эдуарду устало, будто уже не в первый раз, сказать:

– Нет. Завтра ты остаёшься здесь.

– Почему? Я уже взрослый, – чуть громче нужного обиженно начинает мальчишка и смолкает после недовольного цоканья.

– Тебе шестнадцать.

– Не четырнадцать же, – уже гораздо тише ворчит мальчишка. – Отец в курсе, вы это знаете. И про то, что это не первая моя охота, тоже.

«Шестнадцать?..»

Про то, что это не первая охота Богдана он знает. Иначе бы фото мальчишки просто не попало в папку, однако... В полученных им бумагах был другой возраст. Это Слава прекрасно помнит.

Койка под ним тихо скрипит от неудачного движения и голоса тут же смолкают, вызывая желание ругнуться. Однако Слава делает вид, что лишь сонно возится, чуть подвинувшись к краю и повернув голову.

«Я сплю, честно-честно сплю, продолжайте» – просит он, замирая и снова прислушиваясь.

Кто-то всхрапывает совсем рядом и тут же затихает, а разговор всё не возобновляется.

«Ну? – подбадривает Слава, глядя на пустую койку напротив. – Продолжайте».

– Мне плевать со сколько лет тебя отец таскает, я уже говорил, – словно подчиняясь его безмолвному приказу, нарушает тишину Эдуард. – Эта тварина слишком опасна для твоей вертялой задницы. Посидишь здесь. Жердине я сам завтра скажу. Не нравится, можешь обратно к отцу валить. Пусть хоть на самого чёрта тебя берёт, это его решение и его ответственность.

– Вот именно! И он меня сюда отправил!

– Тише ты! – шипит Эдуард.

Славе кажется, что он даже чувствует чужое желание садануть рукой по столу. Он бы и сам так сделал. Ребёнок на охоте...

«Давно ли ты сам был ребёнком?» – смеётся внутренний голос, заставляя Славу досадливо поморщиться. Примерным ребёнком он никогда не был. Зато у него были прекрасные тормоза в лице Демида.

– Разбудишь всех.

– Ещё раз заснут. То, что я тут самый молодой не значит, что мной можно помыкать и запрещать что-то.

– Это не увеселительная прогулка, ребёнок.

– Я не ребёнок, – Богдан свистящим шёпотом чеканит каждое слово. – Завидуете, что я могу пойти на охоту, а вы уже нет?

Слава сглатывает появившуюся на языке горечь и невольно сжимает кулаки. Он даже не представляет, каково Эдуарду слышать такое. Слава ждёт взрыва или отповеди, но тот ведёт себя всё так же спокойно и сдержанно. Только голос меняет свою тональность, давая понять, что слова Богдана его всё-таки задели.

– Иди спать.

Слава закусывает губу, невольно вспоминая, каким засранцем и сам бывал в подростковом возрасте. Особенно когда внутри бурлила и требовала выхода обида.

Приближающиеся шаги сбивают готовые вырваться на свободу воспоминания, и Слава спешно прикрывает глаза, делая вид, что спит.

Лёгкий ветерок касается лица, когда мимо проходит Богдан, а в следующее мгновение чуть в стороне слышится топот по лесенке и тихий скрип, возвещающий о том, что тот забрался на кровать.

Слава, больше не таясь, переворачиваясь на спину, отодвигается от края и переплетает пальцы на груди. У него есть о чём подумать, однако вспугнутый разговором сон возвращается, затягивая Славу обратно в свои объятия.

* * *

– Подъём!

Требовательный, громкий голос вытряхивает Славу из сна моментально. Он едва не скатывается с кровати, удерживая себя в горизонтальном положении лишь на чистом упорстве и уверенности: быстрый подъём вызовет вопросы. Для охотников Слава дилетант. Возможно с зачатками боевой подготовки, но точно не такой, как они.

Поэтому вместо того чтобы подняться, он лишь разлепляет глаза, сонно щурясь в металлическое перекрытие второго яруса.

– А тебе что, персональное приглашение надо?

Слава наконец-то узнаёт Эдуарда и, чуть повернув голову, убеждается в правильности своего предположения. Тот хмуро смотрит в ответ, вкотив кресло между кроватей.

– В письменном виде, пожалуйста, – бормочет Слава, сжевав зев в кулак и всё-таки поднимаясь. – Где можно умыться?

– Очередь, – насмешничает Эдуард, и морщинка меж его бровей тут же разглаживается. – Будешь больше клювом щёлкать и не позавтракаешь, птенец.

Слава какое-то время смотрит вслед уезжающему Эдуарду, прежде чем подняться и глянуть на часы.

– Серьёзно? Она что убежит куда-то?

Тонкие стрелки показывают без четверти пять, он спал всего каких-то четыре часа.

– Можешь просто никуда не ехать, – участливо предлагает Она, закидывая полотенце на плечи, и Слава едва сдерживается, чтобы не показать неприличный жест в ответ.

* * *

– Итак, – начинает Сабина, когда Слава наконец-то умывается. – Мы не можем быть уверены на счёт времени активности Таутай-лак, но темнота нам не помощник, так что давайте постараемся сделать всё до сумерек. Эдуард, поделишься коллекцией?

– Разоряете, – бурчит тот, впрочем, без какого-либо недовольства. – Эдуард, дай то, Эдуард, дай сё...

Слава вопросительно вскидывает брови, но поймавшая его взгляд Маша лишь усмехается криво, кивая вслед уже добравшемуся до кроватей Эдуарду.

– Сейчас будет магия, – шепчет она, подступив ближе.

Именно этот момент выбирает Эдуард, чтобы сунуть руку между кроватей и, похоже, на что-то нажать. Тихий щелчок касается слуха, а Эдуард уже выдвигает из-под двух нижних кроватей невысокие ящики.

«Это я что, спал на целом арсенале?..»

– Я ж говорю, магия, – смеётся Маша, первой подскакивая к ящикам с оружием.

– Берите что надо. В разумных пределах, конечно.

Винтовка, пара стечкиных, макаров и, кажется, глок. Ряд ножей и... арбалет.

Слава осторожно, рукавом толстовки, берёт ближайший, чтобы убедиться – номер спилен.

– Есть чего опасаться? – по-своему понимает его действия Леонид. Очки бликуют, отражая свет лампы под потолком, когда он чуть поворачивает голову.

Слава осторожно возвращает пистолет на место. Нет, огнестрел он возьмёт только из рук того, кому хоть сколько-нибудь доверяет.

– Так как? – настаивает Леонид, и Слава режет по нему взглядом.

На языке так и вертится ответ, однако он понятия не имеет, как на признание отреагируют. Вряд ли полиция охотникам товарищи. По крайней мере, большая её часть.

– Не лезь, – советует Сабина, уверенно забирая тот самый пистолет, что Слава только что вернул на место, и выщёлкивая магазин. – Патроны к нему будут, Эдуард?

– Обижаешь. Найдём.

– Отлично. Нож у меня свой. Разбираем, проверяем, едим и выходим.

– А можно мне арбалет? Можно ведь?

Богдан выглядывает с верхней койки, перевешиваясь через её борт так, что кажется вот-вот и слетит.

Слава отмечает растрёпанные волосы и след от рюкзака на щеке, а потом вспоминает, что внизу его сегодня ещё не видел.

– Обойдёшься, – обрубает Леонид. – Твой в машине.

– Он обращаться-то с оружием умеет? – тут же сомневается Эдуард, пока Маша уводит из гнезда стечкина и отступает, освобождая место рядом с ящиком. – Может, лучше пусть останется здесь?

– Нет! – фырчит Богдан сверху, скидывая на пол рюкзак и скатываясь сам. – В машине, так в машине. Не арбалет, конечно, но так тоже неплохо.

– Леонид, – не глядя на Богдана, требует Эдуард.

– Его сам Герман учил. Справится.

«Герман?»

Слава перебирает в уме имена, листая воображаемые файлы – воспоминания об отданных Фёдором Игнатьевичем кратких досье. Пять людей, пять имён. Ни на одном из листов в той папке не было имени Герман.

«Ты кто, мать твою, такой?»

– Брать что-нибудь будешь? – возвращает в реальность Славу голос Эдуарда и как-то внезапно оказывается, что на него смотрят сразу три пары глаз. Ровно те, кто ещё остался рядом.

– А из латуни или меди что-нибудь есть?

* * *

Солнце так и не выглядывает из-за туч, делая дорогу, как и город вокруг, серыми и унылыми и поселяя внутри тревогу. Машину слегка потряхивает на неровностях дороги, но к этому как-то быстро привыкается.

Слава в очередной раз достаёт нож из простеньких ножен, взвешивая его в руке.

Медное лезвие длиной с ладонь словно подсвечивается изнутри огнём.

«Тебе повезло, есть у меня тут... Оставил один залётный кое-чего из своего арсенала».

Эдуард всё-таки удовлетворил его запрос. В кухонной зоне тоже оказался тайник, только гораздо менее впечатляющего размера.

– Ты уверен?

Голос Сабины вклинивается в мысли, заставляя отвлечься от медного лезвия и поднять взгляд.

– Что?..

– Я про нож. Идти на Таутай-лак с ножом и... металлической палкой это же самоубийство.

– Давай ты будешь его хотя бы шестом называть, а? Палка как-то не звучит, – криво усмехается Слава. – И я не один такой.

В арсенале Эдуарда оказался ещё и кинжал, который Они увёл прямо из-под носа. Слава, правда, против не был. С обоюдоострыми клинками он никогда не работал.

– Они обычно никогда не расстаётся со своей береттой, а вот ты дурак, – насмешливо констатирует Маша.

– Вот вы меня и прикроете, раз все при оружии. А я поиграю в шута с шестом.

– Главное, чтоб не на шесте. Не хочу твой труп обратно тащить. Я маленькая, хрупкая девушка.

– Сам как-нибудь доползу, – в тон ей отбρίζει Слава, понимая, что Маша начинает ему всё больше нравиться.

– Он берёт огнестрельное оружие только из рук тех, кому доверяет, – поясняет Сабина, сворачивая вслед за чёрным внедорожником. Тем самым, что уже стоял в гараже, когда они приехали.

– У каждого должны быть свои маленькие слабости.

– Так ты уверен? – повторяет вопрос Сабина, когда Слава снова опускает взгляд на лезвие. – Нож и палка против Таутай-лак?

– Если мифология говорит правду, то только медь её и прикончит. Если нет... то с ней разберётесь вы.

– Ты хоть с палкой-то обращаться умеешь?

Маша даже оборачивается, чтобы услышать ответ, только видимо ожидает чего-то другого, чем небрежное:

– Ну, я немного практиковался в своё время. И это не палка.

* * *

Он не самоуверенный и бесстрашный, просто умеет держать лицо, а оборотней, чтобы почуять, как ускоряется пульс по мере приближения к конечной точке, поблизости нет. Чему Слава несказанно рад. Зато раскинувшемуся перед ними лесу не очень. Хотя тот и выглядит вполне дружелюбно, несмотря на созданный тучами сумрак.

Ели вперемешку с едва начавшими рыжеть дубами и клёнами, вкрапления кустов и неширокая, хорошо протоптанная тропа уводящая вглубь.

Только вот птиц не слышно. Славе кажется, что мир вокруг и вовсе затаился.

– Вперёд? – разбивает тишину Богдан, переминаясь с ноги на ногу и пружиня на подошвах чёрных кроссовок. Он, кажется, и вовсе не может устоять на месте, словно энергия бьёт через край. Знакомое чувство. Оно и сейчас, несмотря на лёгкий налёт страха, щекочет что-то внутри Славы, словно говоря: «Давай, раньше войдешь, раньше выйдешь».

– Всё помним, – уточняет Сабина, превращаясь в командира. – Сначала разведка. Никто никуда не отдаляется и не уходит.

– Смотрим по сторонам и проявляем бдительность, – поддакивает Они. – Что ты с нами, как с маленькими. Не первый раз.

– А она, может, сейчас слушает нас, а то и смотрит. Мы понятия не имеем, какие у неё способности, – поправив очки, вносит свою лепту Леонид, и Слава замечает, как передёргивает плечами и оглядывается Богдан. Будто уже чувствует этот самый взгляд.

– Богдан, присмотришь за машинами.

Тот тут же ершится, поджимая губы и пряча руки в карманы.

– Нифига, я с вами!

– Балласт, – припечатывает Они.

– Эй!

– Два балласта, – поправляется Они с ухмылкой.

Славе так и хочется заехать ему шестом по спине, но он лишь проворачивает его в ладони и проверяет закреплённый в ножнах на ремне нож.

– Богдан и Слава в центре, остальные прикрывают, – заканчивает спор Сабина, первой доставая пистолет и углубляясь в лес.

Глава 4.

Тропинка разветвляется, стоит им только углубиться в лес, разбегается тонкими ручейками в разные стороны, заставляя выбирать дорогу. Деревья смыкаются над головой, закрывая собой скудный свет.

Слава прислушивается, но не слышит ничего, кроме шуршания шагов и собственного дыхания. Чуть влажная ладонь скользит на металле, но он лишь сильнее сжимает пальцы.

«Разведка? Может, лучше сразу? Всё равно придётся столкнуться. Давай же. Не заставляй нас ждать».

Слава вглядывается в лес поверх чужих голов, но сгустившийся меж деревьев сумрак молча смотрит в ответ, не желая выдавать свои тайны.

– Она точно здесь была, – шепчет Богдан, хотя в тишине леса его голос звучит всё равно слишком громко.

– Там, – продолжает Богдан, когда Слава оборачивается к нему. – На стволах.

Теперь видит и он.

Тонкие горизонтальные полосы хаотично белеют на тёмных стволах, словно шрамы. Справа, слева, впереди...

Слава сглатывает, перехватывая шест поудобней, и чувствует, как также напрягаются и все остальные. Даже шаги, кажется, становятся тише, а тишина плотнее. Слава слышит только собственное дыхание, и оно обрывается на первом вскрике.

Уши закладывает от выстрела, а в следующее мгновение время словно срывается с цепи.

Вскрик, выстрел. Вскрик, выстрел. Иногда выстрелы звучат почти синхронно.

Припадает на колено Сабина, и тут же над ней, словно ангел мщения, встаёт Маша, прикрывая. Но удар летит уже с другой стороны и вот шипит рядом Леонид, зажимая плечо ладонью, и стреляет Они.

На стволах появляются новые зарубки, а длинная плеть языка всё бьёт и бьёт. Таутай-лак двигается так быстро, что понять, откуда она ударит, не представляется возможным.

Славе на мгновение кажется, что они попали в окружение и целей несколько.

– Мне нужно место, – шепчет он, когда кого-то из команды снова достаёт острый язык. – Место.

Пульс грохочет в ушах, когда Слава отступает, выходя из-под прикрытия. Шесту нужен размах, иначе он будет просто беспомощен. Маленькая, лакомая цель.

– Иди ко мне, детка, – облизывается Слава. Чувство опасности немного пьянит, щекоча что-то внутри. Одновременно неприятно и маняще.

Кто-то что-то кричит, кажется ему. Слава не разбирает слов.

Чёртов язык снова появляется из-за деревьев. Слава дёргается, уходя с линии атаки и замахиваясь шестом. Щёку обжигает болью, а следом слышится вскрик, от которого закладывает уши почище выстрелов.

Новое нападение происходит с вызывающей удовлетворение задержкой.

Она одна и она всё-таки боится меди.

Только теперь язык обходит его стороной. Вскрикивает Леонид, припадая на колено, дёргается, но всё-таки остаётся на ногах Маша. Что-то кричит, уворачиваясь от языка и стреляя в Таутай-лак Сабина. За спиной раздаётся ещё один выстрел, и Слава вспоминает о Богдане.

Мальчишка утирает разбитый нос и снова вскидывает пистолет, прикрывая Они, которого язык достал со спины, оставив на память порезанную куртку и тонкую полосу на мелькнувшей в разрезе коже.

Новый удар и мальчишка не успевает увернуться. Слава, словно в замедленной съёмке, видит, как несётся к нему язык, метя в шею.

Тело действует само. Слава ловит мальчишку, дёргая за плечо на себя и выпуская шест из пальцев.

Воздух вышибает из легких, когда Богдан всем весом влетает в него, сбивая с ног. Удара о землю Слава не чувствует. Лишь тяжесть сверху и взорвавшийся болью затылок. На несколько мгновений он теряет ориентацию, приложившись обо что-то твёрдое.

– Вставай! – требовательно командует кто-то рядом, вкладывая в ладонь Славы что-то твёрдое.

«Шест» – понимает он, смыкая пальцы на металле и фокусируя взгляд.

Рядом Они и Богдан, а над ними высятся, прикрывая, остальные.

– Медь, – напоминает Они, и Слава замечает в его ладони кинжал вместо пистолета. – Патроны кончились. Давай вместе.

Слава кивает сглатывая.

Медь только у них.

«Гадство!»

Язык снова бьёт, отправляя на колено Машу. Он больше не перемещается, вновь появляясь с той же стороны.

Кто-то стреляет. Слава видит, как Сабина принимает удар языка на пистолет, прикрывая не успевающую отскочить Машу, и как тот делится на части. Язык режет металл без какого-либо сопротивления, будто раскалённый нож масло, и ствол опадает на землю непригодным к работе мусором.

– Давай, – командует Они, первым уходя к цели, но так её и не достигая.

Таутай-лак выходит сама. Высокая, выше Леонида на голову, крепкая и едва прикрытая. Короткая для неё тёмная юбка не прикрывает причудливо выгнутые, покрытые шерстью и оканчивающиеся копытами ноги, перепачканная чем-то футболка натянута на груди.

До лица взгляд Славы не добирается, потому что именно в этот момент она открывает рот, выпуская язык на охоту. Он едва успевает принять его на шест, внутренне боясь, что тот всё-таки не выдержит. Однако красноватый металл остаётся целым, зато со стороны Таутай-лак слышится шипение.

– Назад! – требует Они, выходя вперёд.

Слава не оборачивается, но рядом как-то сразу становится свободней.

Они перетягивает всё внимание на себя, будто отвлекая. Отмахивается от языка, не попадая, но зля Таутай-лак.

– Давай, – требует он, и Слава отступает, пытаясь добраться до неё с другой стороны. Однако Таутай-лак косит тёмным взглядом, переступая копытами.

Очередное такое движение стоит ей мгновений боли. Таутай-лак кричит, широко разевая рот и хлеща языком по деревьям. Слава успевает пригнуться, и случайный замах едва касается, обжигая болью плечо.

Кто-то кричит вслед за Таутай-лак, но его перекрывают выстрелы. Слава вскидывает взгляд, чтобы наткнуться на искажённое болью лицо.

– Давай, – уже знакомо повторяет Они и губы окрашиваются в красный. – Бей, – добавляет он, и алая струйка стекает из уголка рта.

В руках у него вместо кинжала язык. Они держит его обагрёнными пальцами, фиксируя и не давая вырваться.

Внутренности сводит холодом.

Слава начинает движение ещё прежде, чем осознаёт его. Всего-то и нужно... три шага, чтобы добраться, нож и шест. Слава бьёт не задумываясь. Тупым металлом в открытую глотку и ножом по языку, чуть выше сомкнутых на нём пальцев.

Крик взлетает кладбищенским вороном к макушкам деревьев, а потом наступает тишина.

* * *

Слава не помнит дороги назад.

Помнит мёртвую Таутай-лак, помнит кровь на руках и животе Они, куда пришёлся удар языка, прежде чем тот ухватился за него. Помнит кривую усмешку на красных влажных губах и остекленевший взгляд. Помнит найденный Леонидом в паре метров от них кинжал и деревья с зарубками. Помнит рацию в руках хромающей Сабины. Дорогу не помнит.

– Они привезут обратно, – сообщает Маша, опускаясь на лавку рядом со Славой. – Еле нашла тебя.

– Я не прятался, чтобы меня искать, – отзывается Слава, проворачивая в пальцах мобильник.

Он не прятался, просто ушёл за здание, обнаруживая там не только дверь запасного выхода, но ещё и лавку. А также фонарь, что сейчас покачивается на скобе, бросая на землю жёлтое пятно света.

– Они хорошим был.

Маша вытягивает раненую ногу, и Слава сразу прикипает взглядом к желтоватой в свете фонаря повязке чуть выше колена.

Таутай-лак посекла всех, просто Они досталось больше всего.

Чиркает зажигалка, рождая в мир маленький огонёк, и Маша подносит её к зажатой в губах сигарете.

– Будешь?

Запах дыма щекочет нос, когда Маша выдыхает.

– Не курю.

– И правильно. Нечего лёгкие гробить.

Она, словно в противовес собственным словам, снова затягивается.

– Леонида зашили. Плечо и бок. Через неделю или две будет как новенький. Да и нас тоже...

Слава согласно кивает, осторожно касаясь заклеенного пореза на щеке. Его тоже подлатили. На плечо, правда, пришлось пару швов наложить, но он легко отделался. Легче только Богдан.

– Так вот вы где, – ворчит Сабина, приземляясь на лавку рядом с Машей.

Слава отмечает краем глаза, как Сабина, отобрав недокуренную сигарету, затягивается сама.

Выдыхая, она вытягивает ноги, откидываясь на стену.

– Где его похоронят?

– Не знаю... Эдуард сказал, что сам займётся этим. У Они не было близких.

Слава кивает, снова проворачивая в пальцах телефон и отворачиваясь. Кончики пальцев так и зудят от желания набрать одиннадцать цифр, только вот он опасается снова услышать на том конце механический голос сообщающий, что абонент выключен или временно недоступен. Так же как опасается услышать короткое: «Они не приезжали» если наберёт другой номер.

– Хочешь кому-то позвонить? – прямолинейно спрашивает Маша, туша сигарету ботинком.

– Мне сделать это за тебя? – более мягко уточняет Сабина.

– Спасибо. Не сейчас.

Если сейчас он узнает, что Демид с Аней ещё не доехали, то точно пошлёт всё к чёрту и рванёт их искать.

«Твою ж мать».

– Пойду внутрь, – ворчит Маша, поднимаясь и отряхивая юбку. – Вам чай, кофе сделать? За что покрепче сейчас Эдуард по ушам надаёт.

– Чай будет в самый раз, – отзывается Сабина и, когда Маша уходит, подсаживается ближе. – Слав?

– Всё в порядке, просто... честно, всё в порядке.

Нервно взъерошив волосы, Слава обессилено зажимает голову предплечьями. Плечо тут же отзывается тянущей, пульсирующей болью.

– Ты же знаешь, что можешь на меня положиться, да?

Слава опускает руки, выглядывая из своего укрытия и усмехаясь.

– Если бы это было не так, то меня бы здесь не было. Всё в порядке, Сабин, честно.

– Идём обратно?

Слава лишь кивает. Ему всё равно, куда сейчас идти.

* * *

Вечер похож на поминки, хотя Они ещё не похоронили.

Порой разбавляемая приглушёнными голосами тишина давит не хуже могильной плиты и если бы Слава мог уйти отсюда, он бы непременно это сделал. Всего-то и надо: вызвать такси, встать и уехать, а потом набрать номер Демида и убедиться, что с ними всё в порядке. Плевать на охотников, на работу, которую он сам себе организовал. Чтобы только не сосало так под ложечкой и не давило. Чтобы не стоял перед глазами остекленевший, направленный в никуда взгляд Они.

Прямо как у...

Слава окунается в воспоминания, словно падает в воду.

... он сам напросился. Просто шагнул следом за врачами в машину скорой, понимая, что её могут не довезти до больницы. Зная, что ребёнок не будет человеком.

– Зажмурься и дыши, – требует он, морицась от нечеловечески сильной хватки, но даже не пытаюсь освободить ладонь. – Дыши. Ты училась, как это делать.

– Не мешайте! – требует врач, но волчица не отпускает руку не позволяя отступить, да Слава и сам не стремится.

– Нет!

– Всё в порядке, – обещает Слава, надеясь, что врачи проигнорируют звучащее в голосе рычание и не заметят клыков меж приоткрытыми бледными губами.

– Дышите.

Славе хочется взять всё в свои руки. Альфа не подчинится, но он может попытаться. Вот только единственное, что ему сейчас доступно – это позволять держать себя за руку.

Альфа может приказывать. Своей стаей, своей семье. Но у неё больше нет ни того, ни другого и она просит. Шепчет, повторяя исступлённо между вдохами: «Защити мою девочку... Защити...» и радужки меж неплотно сомкнутых век сияют рыжими всполохами.

Перешедший в рычание крик обрывается, чтобы уступить место детскому плачу. Хватка ослабевает, и пальцы наконец-то отпускают его, обессилено соскальзывая вниз.

Кто-то вталкивает ему в руки ребёнка и оттесняет в сторону, к самой двери в хвосте скорой, и звуки отступают на задний план.

Маленький, тёплый, чуть влажный комочек лежит на его руках, а Слава всё не может прекратить смотреть.

В глазах альфы больше нет ни огня, ни силы. В них нет ничего...

– Эй, парень?

Кто-то тормозит его за плечо, и Слава встряхивается, недоуменно встречаясь взглядом с серьёзными глазами.

Эдуард.

Подкатил в своём кресле к самым ногам, да так тихо, что Слава даже не заметил.

«Будь это враг, и ты был бы мёртв, – невесело насмешничает он над самим собой, зачёсывая волосы пальцами. – Не забывай, где ты находишься. Даже если рядом Сабина».

– Вы что-то хотели?

– Первый раз видишь смерть?

Слава всё-таки не может сдержать усмешки и та пробивается наружу, искривляя губы.

– Не первый. Просто...

– Кажется, что мог бы быть быстрее? – словно читает его мысли Эдуард и Слава лишь пожимает плечами.

Мог бы. Должен был. Они был охотником, но не заслуживал смерти. Не так.

– Брось это. Будь он здесь и первым бы отвесил тебе подзатыльник.

– Вы хорошо его знали?

– Насколько это возможно.

Слава кивает, принимая ответ, и хмурится.

«Серьёзно? Вы паломничество тут решили устроить что ли? – стонет он, когда к ним целенаправленно идёт Богдан с двумя бутылками из тёмного стекла. – Пацан, а тебе разве уже можно пить?»

Хоть Маша и сказала недавно, что Эдуард по ушам надаёт, если будет что-то алкогольное, но на столе всё равно появились бутылки. Слава, правда, не подходил и не смотрел что в них.

– Можно?

– Не грызи себя, – напоследок советует Эдуард, прежде чем развернуть кресло и направить его к остальным.

– Кажется, я сегодня популярен, – усмехается Слава, стоит только Богдану оказаться рядом. – Ты что-то хотел?

Вместо ответа мальчишка протягивает одну из принесённых бутылок.

– Я не пью, – на всякий случай сообщает Слава, поднимая взгляд на Богдана. – И тебе не советую.

– Бери, это газировка. Ненавижу вкус пива.

– Как будто ты пробовал, – усмехается Слава, всё-таки принимая бутылку, и мальчишка тут же, словно спеша закрепить успех, садится на кровати рядом.

– Когда вокруг тебя одни взрослые, сделать пару глотков не проблема, – насмешничает Богдан, но как-то вяло. – Эта штука вкуснее. Крафтовая, местная. Имбирь, корица и чего-то там ещё. Попробуй.

Слава подчиняется, отвинчивая крышку, и под пристальным взглядом делает первый глоток.

Газировка приятно щиплет язык, прокатываясь по пищеводу и оседая в желудке лёгкой, щекотной прохладой, оставляя после себя сладковато-острое послевкусие.

– Ну как?

– Ничего так.

Богдан сияет, а Слава впервые задумывается, а не ошибся ли источник Фёдора Игнатьевича. Точно ли вот этот ребёнок участвовал в жестокой охоте на невинных?

– Я хотел сказать спасибо.

Слава замирает, пойманный этими несколькими словами врасплох.

– В смысле... если бы не ты там, в лесу, то, вероятнее всего, меня бы закопали рядом с Они, – Богдан нервно растирает шею, отворачиваясь. – Ну и вот...

Слава рассеянно кивает, проворачивая в руках бутылку и не находя слов.

Сказать: «Пожалуйста»?

Банально.

«Не за что»?

Так есть за что.

«Команда всегда должна друг друга прикрывать»?

А они команда?

Команда – это доверие, уверенность в каждом. Слава не...

Он замирает, сжимая пальцы на прохладных боках бутылки, и перед глазами встаёт пустой взгляд Они. Он доверял и был уверен. Он дал им время на победу.

– Команда на то и нужна, чтобы прикрывать спину, – наконец отвечает Слава, отправляя в себя большими глотками сразу половину бутылки.

– Спасибо, – ещё раз повторяет Богдан, но на этот раз гораздо уверенней и теплей, а в следующий момент и сам припадает к газировке, словно только этого момента и ждал, всасывая в себя за раз гораздо больше половины.

«Этот мальчишка точно приведёт меня куда надо?..» – снова задаётся вопросом Слава, наблюдая за тем, как Богдан щурится, словно маленький, дорвавшийся до сметаны котёнок.

* * *

Слава снова выбирается на улицу, кутаясь в куртку и вдыхая холодный осенний воздух полной грудью. Ночная темнота сияет чуть в стороне от них огоньками жилых домов и фонарей, завораживая.

Пустая лавка под фонарём будто приглашает составить ей компанию и Слава не отказывает: приваливается спиной к стене и прикрывает глаза. Сна нет. Он не пришёл, когда Слава лежал в койке, не спешит и сейчас. Будто вместо газировки Богдан подсунул ему двойную порцию кофеина.

«Богдан...»

Слава вытягивает ноги и прячет руки в карманы куртки.

Прежде чем поехать на встречу с Сабиной, он пробил весь список через интернет. У кого-то нашёл страницы в соцсетях, о ком-то не обнаружил ни единого упоминания. Мальчишка оказался из первых. Только вот толку от этого ноль. Он скрыл всю личную информацию, оставив на стене лишь несколько вполне обыденных фотографий, да репосты из сообществ по мифологии.

Слава почему-то уверен, что если сейчас зайдёт к Богдану на страницу, то наткнётся на репост о Таутай-лак.

«И на какой козе к тебе подъезжать предлагаешь?»

Кривая усмешка забирается на губы, когда Слава вспоминает прошлый вечер и интерес Богдана к истории с русалками.

«Действительно, что ли, рассказать?»

Тихий шорох вклинивается в мысли, сообщая о том, что кто-то ещё выбрался на улицу, и Слава подбирается, прислушиваясь, но никак не реагируя. Ни на этот шорох, ни на последовавшие за ним шаги. Даже головы не поворачивает. Отмирает лишь тогда, когда перед лицом оказывается банка пива, а подняв взгляд, натывается на Леонида.

– Бери. Эдуард спит, а мы не дети, чтобы глушить газировку. Или ты язвенник-трезвенник?

– Спасибо.

Стоит только прохладной банке оказаться в руках, как Леонид тяжело опускается рядом.

– За Они. Пусть на том свете ему будет лучше, чем здесь.

Тихо щёлкает, открываясь, банка и Леонид делает первый глоток. Славе ничего другого не остается, как последовать за ним.

– За Они, – шепчет он, делая глоток и морщась.

Хмельная горчинка оседает на корне языка и Слава понимает, что, похоже, он тоже всё ещё ребёнок. Газировка ему определённно нравится гораздо больше.

– Я подумал, ты свалил, – зачем-то делится Леонид, делая ещё один глоток.

– И куда же я, по-твоему, должен был свалить ночью?

– Ну, там полиции стукануть, нас бы и повязали тёпленькими.

«Серьёзно?» – безмолвно уточняет Слава, обернувшись и чуть вскинув брови, и Леонид, похоже, считывает вопрос, потому что поясняет, осторожно пожав плечами:

– Незарегистрированное оружие, как минимум. Я видел, как ты рассматривал пистолет вчера.

– Присесть с вами за решётку в мои планы не входит, – ворчит Слава, отворачиваясь и прячась за банкой. – С оружием я просто осторожен.

– Голова у тебя варит, – спустя несколько минут молчания снова начинает Леонид, даже не извиняясь за подозрения. – Если бы не ты, то нас бы там всех положило.

– Не преувеличивай.

– Серьёзно. Меди ни у кого больше не было, она бы нас на фарш покрошила.

– У Они была медь.

– Они мёртв, а ты жив.

Слава делает ещё один глоток и снова морщится.

– Повезло.

– И выпад твой тоже хорош был, – продолжает, будто не слыша, Леонид. – Профессионально. Кто-то учил?

– Ага, – Слава усмехается, бросая быстрый взгляд на заинтересованно повернувшегося к нему Леонида. – Видео в интернете и практика в свободное время.

– Ну, я же говорю, голова у тебя работает.

Слава не отзывается, просто замолкает, глядя в черноту за пределами светового круга и позволяя повиснуть тишине.

– И за Богдана спасибо, – внезапно благодарит Леонид. – Герман мне бы шею свернул, вернись я без пацана.

Слава замирает, почуяв след.

«Снова этот Герман. Он кто?»

– А он кто, этот Герман, чтобы тебе шею сворачивать?

Славе кажется, что ответа он не дожждётся. Леонид медленно и как-то задумчиво допивает и отставляет банку в сторону, потом просто молчит. Внутри неприятно скручивается пружина нетерпения и, когда кажется, что Слава больше не сможет ждать ответа, Леонид всё-таки отзывается:

– Отец Богдана. Охотник. Командир команды. Выбирай на любой вкус.

Слава внутренне делает стойку, будто почуявший добычу пёс, и едва не облизывается.

– Какой команды?

– Да... ты ж не охотник, – словно опомнившись, вспоминает Леонид. Славе кажется, что вот сейчас он поймёт, что сболтнул лишнего, и замолчит, но тот вместо этого поясняет: – Бывают временные команды. Вот как сейчас. Собираются несколько охотников, кто может приехать относительно быстро, договариваются и идут. А бывают такие, которые ходят на охоту постоянным составом. У Руслана, отца Сабины, например, как раз такая. Не знаю, знаешь ли ты его. У Германа точно так же. Оружие, базы, помощь. Могу помочь, если хочешь.

Леонид усмехается и внезапно кивает на банку в руках Славы.

– Не будешь допивать?

– И с чего такая щедрость? – подозрительно уточняет Слава, отдавая свою банку.

«Да, – шепчет внутренний голос, растекаясь щекоткой за рёбрами. – Помогли войти в команду. Давай».

– Я же сказал, ты умный и смелый. Нам такие быгодились. Плюс ты помог Богдану. Герман оценит. Так что?

– Можно попробовать, – добавляя в голос сомнений, отзывается Слава.

– Замётано. Только дай свой номер, – Леонид неловко вытаскивает мобильник из кармана куртки. – Чтобы я мог связаться с тобой, когда переговорю с Германом.

Слава всё-таки облизывается, когда Леонид убирает мобильник обратно.
Похоже теперь он ещё на шаг ближе к цели.

Глава 5.

– Да позвони ты уже, – требует Сабина, когда город и автомастерская оказываются позади, а они выезжают на главное шоссе. – Смотреть тошно.

Слава пристыжено, будто пойманный врасплох мальчишка, прячет мобильник в ладонях.

– Сла-а-ав, – тянет Сабина недовольно. – Просто позвони и успокойся.

– Я могу втянуть его этим звонком. Ты же знаешь, что существуют программы...

– Параноик, – обречённо стонет Сабина. – Это у вас есть программы, у нас их нет.

– У них могут быть связи...

– Тебя спасает только то, что я сейчас за рулём, – ворчит Сабина, бросая на Славу быстрый взгляд. – Руки так чешутся стукнуть!

«А ещё телефон снова может быть недоступен» – мысленно продолжает Слава, с невеселой усмешкой снова проворачивая мобильник в пальцах.

– А мать я только побеспокою, – наконец заканчивает он вслух.

– А что случилось со старым телефоном? Ты так и не сказал.

– По легенде утопил, так что даже симка отказалась работать.

– Параноик, – хмыкает Сабина, вызывая у Славы усмешку:

– А ты повторяешься. Я не хочу, чтобы из-за такой мелочи, как телефон, всё полетело к чертям. Можешь сколько угодно считать меня параноиком, – ворчит Слава, недовольно отворачиваясь к окну. – Здесь можно ехать быстрее. Ускоришься?

– Кстати об этом.

– О скорости?

– О деле. Ты уверен, что не ошибся? Богдан не выглядит как человек способный на то, что творят те охотники. Он же просто мальчишка.

– Сабин, я не знаю, – честно отзывается Слава с усталым вздохом. Ему хочется прикрыть глаза и не открывать их минимум пару суток. И желательно, чтобы по пробуждению всё само собой рассосалось. – Просто... это единственная доступная мне сейчас ниточка. Тем более...

– Слав?

– Ты знаешь, кто такой Герман? – внезапно интересуется он, оборачиваясь к Сабине так, что ремень безопасности натягивается до упора, врезаясь в грудь.

– Охотник. У него, кажется, своя команда. Этаким маленький закрытый клуб для своих. Похоже параноик похлеще тебя. Я мало что о нём знаю. Можешь у отца спросить, когда приедем.

Слава кивает, соглашаясь. Спросить Руслана – это отличная идея. Он варится в этом котле гораздо больше времени.

– Сегодня ночью меня, кажется, пригласили в этот закрытый клуб. Вернее, пообещали выслать пригласительный билет, – Слава откидывается на спинку сидения и запрокидывает голову, бездумно разглядывая потолок. – Потяну за эту ниточку, вдруг что-то да вытяну.

– А если нет?

Машина сворачивает на повороте, и Слава прикрывает глаза.

– Если эта ниточка оборвётся, то буду искать подход к оставшимся. У меня есть время.

* * *

– Так, давай ещё раз, – требует Руслан, тяжело опуская в кресло. С последней их встречи он ещё больше поседел, но так и остался всё таким же крепким и подтянутым. – Что ты хочешь?..

– А у вас неплохой домик, – уходит от темы Слава, оглядывая небольшую, выполненную в шоколадно-бежевых тонах гостиную. – За сколько покупали? Я тоже о доме подумываю. По работе, конечно, перевестись придётся...

– Владислав.

Рычание Руслану даётся немногим хуже, чем Демиду, даром, что не оборотень.

Слава вопросительно выгибает брови, встречаясь с серыми глазами, так не похожими на глаза Сабины. Их непохожесть всегда удивляла Славу. Если бы он не знал, что Сабина пошла в мать, то решил бы, что они и не отец с дочерью.

– Ты серьёзно собираешься в одиночку влезть к охотникам, которые потрошат оборотней?

– Для начала мне нужно их найти, – Слава откидывается на спинку дивана, подальше от тяжелого взгляда из-под нахмуренных бровей. – Именно за этим я здесь.

– А я-то думала, ты за компанию приехал, – насмешливо ворчит Сабина, возвращаясь из кухни с тарелкой бутербродов и парой зелёных, пузатых, керамических кружек.

– Одно другому не мешает, – Слава утаскивает бутерброд раньше, чем тарелка оказывается на журнальном столике. – Спафыбо.

– Ты сам говорил, пап, – замечает Сабина, устраиваясь на диване. – Что они тебе не нравятся.

– Они никому не нравятся, кто в здравом уме, – ворчит Руслан. – Они не охотники, а серийные убийцы. И до кучи привлекают к себе лишнее внимание.

– Значит, никто не будет о них переживать, ещё и спасибо скажут, когда мы их закроем.

– Я за тебя переживаю, дурень.

На этот раз Слава не обращает на хмурый взгляд Руслана никакого внимания. Есть ему хочется гораздо больше, чем держаться подальше от недовольного охотника.

– Думаешь, выкашивая целые стаи, они пожалеют тебя?

– Я челофек, – быстро жуя очередной бутерброд, пожимает плечами Слава.

– Ты делишь нелюдей на хороших и плохих, ты ставишь их на один уровень с людьми, – Руслан наклоняется, опираясь локтями о колени. – Что если им этого достаточно, чтобы вынести приговор?

– А давай ты не будешь меня пугать? Я мальчик взрослый, сам принимаю решения и от намеченного всё равно не отступлю. Тебе решать, помогать мне или нет.

– Спрашивай.

Руслан возвращается в исходное положение, откидываясь на спинку кресла, и теперь приходит черёд Славы подаваться вперёд, упираясь локтями в колени.

– Кто именно входит в эту группу, я так понимаю, ты не знаешь. Иначе бы знала и Сабина.

Руслан бросает быстрый взгляд на притаившуюся Сабину, но Слава к ней даже не оборачивается, продолжая наблюдать.

– Многие знают мою позицию относительно охоты, так что до меня долетают лишь слухи, ничего конкретного.

– И какие же это слухи? Имена? Места?

– Может ещё адреса и паспортные данные дать? – насмешничает Руслан. – Ты многого от меня хочешь, Слав. Я просто охотник, знающий, что зло могут принести не только нелюди, но и люди.

Слава чувствует, как рядом начинает шевелиться Сабина и ему даже оборачиваться не надо, чтобы понять, что она сейчас растирает предплечье левой руки, то самое, где под татуировкой плюща прячутся шрамы не только от клыков оборотня, но и от ножа. Следы, что остались не только на теле, но и на душе.

– Если я назову имена, сможешь ли ты сказать, соответствуют ли они тем слухам, что ты слышал? У меня есть... список.

Слава хочет добавить к нему ещё и Леонида, но понятия не имеет, какая у того фамилия, а имя мало что значит. Взять хотя бы Они. Он, похоже, и вовсе не пользовался им.

– Попытаюсь.

– Отлично. А потом расскажи мне о тех слухах, что доходили до тебя.

* * *

Из всего списка Руслан узнал только одно: Влас Введенский, зато подкинул парочку новых, не сказав при этом ничего конкретного.

«Слухи, Слав. А сказать можно что угодно».

Слава только кивнул, согласившись. Сказать действительно можно что угодно, как очернив, так и обелив человека.

... – Богдан? Сабина говорила, что ему шестнадцать. Как он только в твой список попал?

Слава лишь пожимает плечами. Он и сам задаётся тем же вопросом, а потом вспоминает собственное неуёмное любопытство, первую встречу с Сабиной и приходит к выводу, что Богдан мог попасть в него случайно, просто оказавшись не в том месте и не в то время.

– А что ещё о нём можешь сказать?

– Говорят, что он ребёнок Германа и что тот пытается слепить из мальчишки своё подобие. Но, как я уже говорил, это просто слухи.

– Просто слухи, – повторяет Слава задумчиво и тут же переключается. – А что ты можешь сказать про самого Германа?

– Не так уж и много, на самом деле. Опытный охотник. Пересекались пару раз в своё время. Жёсткий, самоуверенный, но обаятельный. Зарине он понравился. Общие интересы творят чудеса. Думаю, если бы она не была уже замужем за мной, то попытала бы счастье с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.